

18+

СЕРГЕЙ ЕРМОЛОВ

ФОРМУЛА ДЕЙСТВИЯ

Сергей Ермолов
Формула действия

«Издательские решения»

Ермолов С.

Формула действия / С. Ермолов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500525-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В отличие от обычного детектива в романе «Формула действия» предпринята попытка воссоздать психологию преступника изнутри. Герой романа — врач-хирург, чья психика не выдерживает стресса современной жизни. Пытаясь уйти от реальности, герой погружается в мир своих больных фантазий. Представленный текст правильнее назвать дневником серийного убийцы.

ISBN 978-5-00-500525-0

© Ермолов С.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Формула действия

Сергей Ермолов

Кто убивает человека, тот – убийца. Кто убивает миллионы людей, тот – победитель. Кто убивает всех, тот – Бог.

© Сергей Ермолов, 2019

ISBN 978-5-0050-0525-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я не уверен, но мне кажется, что за мной следят.

Мне хочется рассказать об этом. Мне всегда хотелось рассказать об этом. Я делал это много раз. Это всегда доставляет мне такое удовольствие, знаешь, сокровенный мой дневник, это всегда доставляет мне такое удовольствие – убивать. Они говорят, что это – зло. Что плохо творить зло. Что они в этом понимают? Творить зло – хорошо. Очень хорошо, и мне это нравится.

Во всяком случае, я не могу удержаться от этого. Не потому, что я сумасшедший. Просто потому, что мне этого очень хочется: если я сдерживаю себя, то становлюсь совсем несчастным. Мне нужно делать это.

Я смеюсь, представляя себе, как кто-то читает мои записки. Я их хорошо прячу. Но любители рыться в чужих вещах есть повсюду. Внимание, любители рыться в чужих вещах, будьте осторожнее: противник подстерегает вас.

Я не настолько глуп, чтобы писать при свидетелях. И не собираюсь описывать себя. Называть имя и прочее. Нет, не будет никаких примет, по которым можно меня опознать. Я – словно пресловутый «труп в шкафу».

Я не маньяк. Важно лишь одно: они умирают. Когда они умирают, я должен сдерживать себя, чтобы не загоготать от радости, не закричать от удовольствия. Я дрожу. Даже от одной мысли об этом у меня начинают дрожать пальцы.

Это забавляет меня. Меня забавляет только это. Нечто вроде игры. Ищите ошибку. Я очень хорошо умею подделываться.

Я социально адекватен.

Я слежу за новостями. Дает себя знать университетское образование.

Дневной образ жизни. Дневные привычки.

Я жаждал откровения, утешения. Чтобы кто-то прижал меня к своему теплему сердцу и сказал – всё будет хорошо, ты ещё не чудовище, не ходячий труп, ты сможешь выбраться из этого дерьма.

Скрываясь под капюшоном, я спешу на работу, следуя за ядовитыми выхлопами автомобилей и протискиваясь между людей.

Мертвый мир, скрученный, как грязный лист газеты, застрявшей в канаве. Мой мир.

Закрываю глаза, и кажется, иду по лезвию пропасти. Есть ситуации, которые не зависят от техники хирурга.

Четырехэтажное здание уходит ввысь – глядя на него выворачиваю себе шею. С тускло светящейся грибным, восковым светом вывески капает какая-то мерзостная слизь.

Но даже при наличии всего необходимого ни один хирург не может поручиться за исход любой операции.

У меня ничего не получалось, я старался захватить глубоким стежком края рваной раны и затем осторожно стянуть их узлом, но каждый раз шов прорезал тонкую и рыхлую мышцу. Я пробовал снова и снова.

Розовая кровь шумно сочилась, потом стремительным потоком лилась из большой дыры в левом предсердии, текла в переполненные бутылки отсоса и хлюпала на полу.

Я был доведен до отчаяния и парализован. «Черт! Это предсердие мягкое, как дерьмо, я не могу закрыть его, – ей конец», – думал я. Попробовал прошить еще раз. Все длилось, возможно, минуту или две, но позже, как при замедленной съемке, я буду часами прокручивать это в своем мозгу.

Нож Любске¹ к груди. Открыли перикард. Палец в рану левого предсердия. Шелковый шов. Но на этот раз все шло не так: швы не держались на тонкой мышце предсердия, нить при стягивании прорезала стенку сердца раз за разом.

Я смотрел на труп, сотворенный мной, – на губах остатки красной помады, красный миникюр на ногтях. Никто не произнес ни слова, пока я зашивал кожу над зияющей грудной полостью и помогал медсестрам удалять трубки и катетеры. Мы помыли тело. Когда перекладывали его на носилки, я почувствовал, что очень хочу спать, и сразу же пошел искать кроватку. Проснувшись, понял, что «Жизнь ничего не значит в этих краях!» После того ужасного случая мне часто снилось одно и то же: мои руки двигаются, я беру инструменты, но все делаю безуспешно, и так снова и снова.

Здесь никто ни за что не отвечал, люди умирали от легко устранимых причин. Жизнь здесь ничего не значила.

– ДЫШИ, давай, дыши! Ты знаешь как... Ради Бога, дыши!

Тихий сухой глоток – рот открылся, но грудь не двигается. Что-то заело, что-то мешает ему. Я заметил быстрое движение глаз, уровень кислорода в крови стремительно падал. Еще тридцать секунд максимум, и мозгу конец, если сначала не разорвутся легкие – абсурд, но интересная возможность.

Потом я понял, что знаю эти симптомы, наблюдал за ними достаточно часто. Какое-то время умирающие больные борются с неожиданным исходом, но вдруг их уносит за роковую черту, откуда нет возврата. Я начал хладнокровно отмечать детали поэтапного умирания больного.

Голова откинулась в сторону. Амплитуда осциллографа подпрыгнула на экране, оставляя истеричный янтарный точечный след – хаотичную запись затухающей жизни мозга, выполняемую под монотонное хныканье электронного «биипера». Удивительно устойчивый безошибочный «биип-биип-биип» говорил, что сердце, похоже, будет работать, с мозгом или без мозга.

Ошеломленный, я ощутил свой собственный сердечный ритм, сливающийся с ударами сердца умирающего.

Непреодолимая тяжесть тянула меня вниз, в бездну. Утекали последние капли моей, а не его жизни.

Потом цвета взорвались, ритмичный электронный пульс сменился хаотичным кольцом. Тревога? Сбой аппарата? Темно, не могу привести мысли в порядок, будто кто-то нагнетает в легкие влажный песок. Я рвусь на поверхность подобно бакену со дна темного океана, холодный пот выступает на лбу. Остается только звон...

¹ Нож Любске – инструмент для рассечения грудины.

Это телефон. Я лежу в постели, часы на радиоприемнике показывают четыре часа утра. Выждав минуту, чтобы прийти в себя, я потянулся к трубке; такой ранний звонок может означать только одно – вызов в госпиталь. Как ни старался, я все-таки умудрился опрокинуть стакан воды на ночной столик, когда нащупывал трубку.

Я полностью проснулся, и в моем теле притаилось волнение, предшествующее ожиданию неизвестного. Эта напряженность в центре живота не исчезнет, пока не будет сделан первый разрез. Когда начинается операция, ты сосредоточен на пациенте и только на пациенте, твои чувства не имеют значения. Здесь нет места твоему желудку, совершающему сальто-мортале от беспокойства перед операцией.

Пробовал ли кто-то передать те чувства, которые переживает хирург, пока он моет руки перед операцией? Я бы хотел их описать. Мгновение блестящего и творческого монолога, а в следующую минуту все слова уходят прочь, как в хирургический отсос.

Если случай не экстренный, нервная дрожь спадет только после того, как живот широко открыт. Это начало серьезной работы, любая ошибка, неправильное суждение, ошибочное движение или ложное решение могут привести к длинному списку осложнений. Если вы теряете больного, каждый укажет вам, что надо было сделать лучше, но хуже всего, что вы будете винить себя. Если же все пройдет успешно, никто и не вспомнит о вашей операции. Вы хирург, это ваша работа!

Бывает, вы оперируете умирающего пациента или, точнее, пациента, который умрет, если вы не прооперируете его. У него все шансы, чтобы умереть, но вы его спасаете. Вы – звезда футбола, выпущенная на поле в заключительные секунды игры, и вы забиваете гол с такого расстояния, с какого прежде не забивал никто. Но если вы не сможете – не так страшно. Если пациент умрет, никто не обвинит вас, они поймут, что вы сделали все, что могли. Подобно солдату проигравшей стороны, возможно, вы и виноваты, возможно, и нет.

Еще много работы, два часа, не меньше. Я был раздражен: сколько лет еще терпеть ночные операции с двумя неуклюжими резидентами, полукоматозными медсестрами и невежественными анестезиологами? С годами мое внутреннее раздражение росло. Я бы закончил операцию через час или около того, только позвольте мне переместиться направо от больного, и мы выберемся отсюда к завтраку. Прооперировав сотни кровоточащих желудков, я мог действовать с закрытыми глазами.

Младший резидент, кажется, заснул, повиснув на крючковом металлическом инструменте, которым он должен был оттянуть реберную дугу вверх и вперед. Это позволило бы нам обнажить печень и двенадцатиперстную кишку, скрытую внизу, если он проснется, конечно.

Младшие резиденты спят на ходу, спят сидя, спят стоя, в любое время. Это часть тренировок, упражнения для воспитания характера. Я не против работать с сонной командой, но пока они выполняют мои указания. Много лет назад, помню, я оперировал разрыв аневризмы брюшной аорты, тогда помощники мои спали на ходу, и медсестры, и анестезиолог. Я пытался разбудить анестезиолога в конце операции, чтобы он вывел пациента из наркоза. Всегда забавно вспоминать, если все прошло гладко...

Я посмотрел через занавеску, разделяющую стерильное операционное поле от головного конца стола. Наш резидент по анестезиологии сидел, даже скорее спал, явно загнипнотизированный монотонным щебетанием мониторов. Маска сползла с его бородатого лица. Черт возьми! Старший анестезиолог завалился в кровать, как только пациент был заинтубирован, а это пресмыкающееся спит так же глубоко, как пациент.

Я посмотрел на часы на стене, было семь утра, скоро придут хирурги на дневные операции, будут ворчать на нас и торопить.

Хирург слышит зов крови.

То, что мы называем опытом, часто является чудовищным списком жутких ошибок.

У каждого хирурга есть свое небольшое кладбище. Я никогда не забуду того мужчину средних лет; кровь из его пищевода лила, как из крана, и он медленно угасал в тот момент, когда ему пытались вставить в пищевод трубку. Теперь-то я знаю, как можно было его спасти. А девочка-подросток на искусственной вентиляции легких с парализованными мышцами... Я тогда был младшим резидентом и практически убил ее, пытаясь неумело выполнить трахеостомию. А еще был мужчина с раком желудка; по ошибке я перевязал ему главную артерию, по которой кровь поступает в кишечник, в результате развился некроз всего кишечника. Он был в сознании и наблюдал за мной глазами, в которых был страх. «Он все равно бы умер», – утешал я себя, но мне не становилось легче. А продавец... Я повредил ему полую вену, латая трехстворчатый клапан. Кровь текла и текла. Я открывал его три раза, а он все равно умер, бледное тело угасло, и несколько пар глаз смотрели на меня с сочувствием, равнодушием, цинизмом и даже с упреком. Мне хотелось убежать, лечь и закрыть глаза, но за дверями операционной ждала его семья, а я был совсем один.

Каким-то образом я стерпел.

Каким-то образом я выбрался из больницы, не повредившись умом и не вытащив скальпель из ботинка.

Свет ужалил в глаза, заставив косить, хотя это ощущение было несравнимо с головной болью, что охватывала голову от виска до виска. Где-то в черепе, за глазным яблоком, мелькали красные искры, словно вылетающие из-под точильного круга.

Мне было жарко. Я весь спекся. Хотя подозревал, что этот день был не слишком жарким.

Я ощутил жажду. Язык словно распух. Во рту как будто торчал столб, упершийся в небо, как в крышу. В горле першило.

Надо молчать, заткнуться и молчать! Это мой последний шанс в этом городе. Дышу глубоко и расслабляюсь, это ничего для меня не значит, никому нет до этого дела. Жизнь ничего не значит! Это не мое дело.

Молитвы не помогут, думаю я. Мне некому отпустить грехи.

Я – лишь пустая оболочка непролазного отчаяния, которая стала прибежищем для человека.

Смерть. Она как стиральный порошок, портит ткань, вымывает краски, но не разрушает до конца. Небытие не улыбается так открыто, как агония.

Вернувшись домой, я налил себе кофе, смешал в тарелке мюсли с молоком и разложил газету на обеденном столе. Я – новостной наркоман.

Не могу позволить себе пьянствовать, не терплю сигаретного дыма и вот уже целый год ни с кем не занимаюсь сексом.

Пишу это ранним утром у себя в комнате. До сих пор не оправился.

Я хочу выбраться из всего этого. Скажу им об этом сегодня. Я хочу уйти.

2

Вот уже некоторое время я веду себя спокойно. Похоже, мне хочется. Я чувствую, как это накатывает. Нужно кого-нибудь найти. Так бывает, когда просыпаешься и еще нечетко осознаешь грань между сном и явью.

Не хочу возбуждать подозрений. Я не настолько глуп. Нужно кого-нибудь найти. И быстро. Но кого?

«Я – убийца, а не болван какой-нибудь». Эта фраза мне очень нравится.

Нравится думать о нас. Нравится размышлять об одном из нас. Хорошо замаскировавшемся, улыбочивом. Вежливым. Убийце. Мне очень нравится говорить себе: убийца.

Ну вот. Прекрасно. Я сделал это.

Решено – пойду пройду. Никогда не знаешь, что может случиться.

Небольшой обход. Я неслышен. Внимателен. Только не попадайтесь на моем пути – кто бы вы ни были, – ведь я не сплю, я бодрствую, я жду – именно вас.

Сегодня у всех опять серые лица. К ним невозможно привыкнуть. Я всегда расстраиваюсь, когда вижу их. У меня странная реакция на серый цвет. Опять пора идти к психиатру.

Когда я был у него в последний раз, он мне сказал: «Ваша патология без изменений. Главное – держать ее под контролем».

И я стараюсь держать ее под контролем. Но если честно, то контролирует меня она. А если еще честнее: мы с ней заодно. Только это тайна.

У меня много тайн. Со временем их становится больше. Я их тоже классифицирую. Есть несколько первой степени. Все остальные я рассказываю при случае. Люди любят слушать чужие тайны. И располагаются к тебе. А для меня очень важно расположение людей. Я не такой, как они. Но с ними приходится жить, и я приспособливаюсь. Но получается не всегда. Уже есть несколько случаев первой степени, когда это не получилось.

Но что если я не сумасшедший или невротик? Верить в это не хочется.

Легче считать, что не в порядке я сам, а не окружающий меня мир.

Говорят, что черный цвет – это символ смерти. Я не люблю черный цвет. Ненавижу. Мне повезло, что я умею ненавидеть. Мой цвет – красный.

Когда я рассказал об этом психиатру, он сказал: «Все, что ни делается, все к лучшему». Иногда он перестает казаться мне дураком.

Когда я сказал об этом Артуру, он мне ответил: «Кретин». Его я тоже казню.

Все знают, что Артур умный. Я знаю, что он умнее меня. Превосходство чужого ума – это не повод для казни. Но если бы он был только умен.

Еще он умеет унижать. И это делает его моим врагом. Врагом первой степени. А это уже серьезно.

Я всегда становлюсь серьезен, когда занимаюсь проблемами первой степени.

В этот дневник я буду записывать только впечатления от смерти. Все прочее несущественно. И не стоит внимания. Заслуживают внимания только впечатления первой степени.

Я медленно вышел из квартиры. Слишком медленно опустился по лестнице. Торопливость бессмысленна. Мне никогда не удастся опоздать.

Следует отказаться от всех попыток понять происходящее. Перестать воображать черное – белым. Перестать удивляться боли, причиняемой самому себе.

Я боюсь быть простым исполнителем. Всегда ожидал от себя большего.

Я не человек толпы, стадное поведение абсолютно мне чуждо, я его даже не понимаю. Я – не для выполнения приказов.

Очень старательно подвожу итоги. Это важно.

Мне нравится ощущение своей запрещенности. Мне с обществом не по пути.

Вряд ли нужно стараться выбраться из системы, чтобы оказаться раздавленным ею. Все мы – лишь жертвы заложенных в нас программ.

Я осторожен. Но совсем не уверен, что мне это поможет. Пытаюсь идти до конца. Каждый старается прыгнуть выше своей головы.

Даже если сейчас я спокоен, нельзя сказать, что произойдет со мной в следующее мгновение. Я не обладаю даже тем, что имею.

Может быть, это говорит зависть глупой свободы перед самодовольным рабством. Не сложно вообразить себя свободным, когда рабами управляет раб. Время сделало меня мудрее.

Я ощущал дрожь своего тела. Резко остановился и замер. Не мог сдвинуться с места. Было так страшно, что хотелось кричать. Это не уходит. Не прекращается. Это что-то внутри. Это как ты устроен. Говорят, что существует черта. Для меня черты уже нет.

В ловушку я загнал себя сам.

По-моему Артур чувствовал то же самое. Уверенность исчезла, но было уже поздно что-то менять.

Он смотрел на меня испуганно и скучно. Я хотел видеть его мертвым. В жизни я всегда утешал себя тем, что кому-то хуже. Теперь хуже ему. Я не оставил себе выбора. У моей игры есть условие. Я поставил на кон жизнь. Все иные ставки только смешны.

Моя жизнь – это ожидание неизбежного взрыва. Когда все начнет взрываться – это меня не удивит. Прежнего мира уже нет. Мне нравится, что от него уже ничего не осталось.

Я был испуган, да. Но я умел быть крутым парнем, если так было нужно. И сейчас был как раз такой случай. Мне стало даже интересно, чем все это закончится.

Вонзил ему скальпель над ключицей. От боли Артур откинул голову назад и завизжал. Подобные маленькие трагедии не новость. Каждый человек ощущает свою жизнь, как обман.

Я от всей души поторопил смерть. Не мог больше ждать. Так было нужно. Только не спрашивайте – кому?

Есть нечто страшное. Оно существует. И оно – мое. Это и значит быть Богом. Быть тем, кого боятся. Результат не имеет смысла. Только процесс.

Я ищу свою Голгофу. Нет смысла искать в жизни что-то иное.

Задыхаюсь от своего молчания. Оно давит меня. Я должен постараться вспомнить, что произошло дальше. Если сейчас не запишу свои ощущения, то в будущем никогда не поверю, что они были со мной.

Что-то особенное было в его глазах. Может быть, печаль.

– Закрой глаза. Я сделаю все быстро. По крайней мере я могу это сделать.

Чувство власти было невероятным. Просто удивительно, какое наслаждение доставила мне эта медлительность.

Я был податлив как воск.

Разрез кожи, подкожной клетчатки, а внизу и подкожной мышцы шеи я сделал вдоль наружного края грудинной ножки грудино-ключичной мышцы длиной 6—7 сантиметров. Как будто это происходит сейчас. Все пережить заново.

Мог сделать с ним что угодно. Что угодно. Ты не должен идти на поводу у своих чувств, говорю я себе.

Все это может иметь куда более важное значение, чем казалось, думал я.

«Тебе мало того, что ты уже сделал?» говорил я. Иногда любопытство вытаскивает за собой смелость и подгоняет ее.

По желобоватому зонду вскрыл вторую фасцию шеи и отодвинул к ключице горизонтальную ветвь наружной яремной вены. В этом не было ничего личного, я просто спокойно делал свое дело. Там на самом деле было на что посмотреть, не так ли?

Я почувствовал, что счастлив. Я ведь все сделал так, как намечал сделать заранее. Достаточно ли я был умен? И насколько это важно?

А это может получиться интересно, подумал я.

Он лежал тихо-тихо, а как будто кричал.

Никак не могу избавиться от чувства, что все это справедливо. Не позволял жалости обманывать меня.

Знаю, что кто-нибудь обязательно воспользуется моим опытом. Любая подробность может оказаться важной.

Мне хватило времени, чтобы подумать: я это сделал. Прошел весь путь до конца. Слабость делает человека понятнее.

Я бил снова и снова. Уже сам не понимал, с чего вдруг так на него набросился. Если бы знал, что делаю, я бы остановился. Возможность причинять боль никогда не увлекала меня. Говорить об этом не следовало. Не хочу вспоминать себя злым.

Воображение разыгралось, решил я. Мне просто хотелось, чтобы хоть что-нибудь произошло. А может, в конце концов даже и лучше, что так вышло. Такая мысль пришла мне в голову и тогда, и сейчас.

Спросишь: почему? Трудно объяснить логикой, словами.

Я не сразу понял, что происходит, но у меня сложилось впечатление, что прикоснулся к какой-то тайне.

Я пытался быть предусмотрительным. Делал, что мог и делал так долго, как только мог.

Мне нравилось, когда осуществлялись мои мечты. Прежде я этого боялся. Всегда боялся того, что не понимал.

Мне стало легче. Смерть делает всех людей одинаковыми. Я уже ничего не мог изменить. Мое спокойствие удивляло меня. Я перестал спешить.

Некоторое время я улыбался, глядя в воздух. Приятно сознавать, что я опасен. Я готов к непониманию. Оно подтвердит мое убеждение в ограниченности воздействия слов.

Я хотел одного: чувствовать чужую смерть. Никакое иное ощущение не могло сделать меня счастливее. У меня не возникло желания объяснить происшедшее иначе.

Подумал, что сейчас у меня один из волшебных дней – и даже проклятые мысли были приятными.

Остановите меня. Если сможете. Смерть не просто цифра в статистической сводке.

Я это сделал. Прошел весь путь до конца. Иначе и быть не могло. Я был в хорошем настроении. Был довольно счастлив.

Я не мог выжить иначе. Очень хорошая мысль. Пытаясь понять себя, можно прийти к неожиданным результатам. Я был искренен, когда приносил жертву смерти. Обычно это чувство мне не свойственно.

Мне было трудно удержаться от смеха. Потерпел несколько секунд, а затем разразился хохотом.

Я хочу быть понят. Но это невозможно. И вдруг мне показалось, что это не имеет значения – ничего больше уже не имеет значения.

Я был уверен, что каждый человек может принести жертву смерти. Эта мысль примирила меня с самим собой. Просто больше не мог терпеть.

Мне не обещано ничего, кроме смерти. Я уже не сомневаюсь – надежда – всегда ложь.

Делаю, что хочу. Жить иначе нет смысла. Я очень старательно соблюдаю законы своей жизни.

Будущего уже нет. Только настоящее. Или сейчас – или никогда.
Ни одного случайного слова. Нужно уметь освобождаться от лишнего.
Я очень убедительно не похож на вас. Я испуган своей оригинальностью.
Стена – это еще не тупик. Тороплюсь дойти до предела. Как будто меня можно остано-
вить. Уже поздно.
Не уверен, что изображаю себя правильно. Я не могу быть человеком, которым изобра-
жаю себя.

3

Час назад проснулся. Я хорошо поспал. Глаза открылись без малейшего усилия воли.
Сразу же совершенно проснулся.

Я уже почистил зубы, но все еще стоял полуголый перед зеркалом. Подергал себя вправо-
влево за подбородок. Проведя языком по зубам, обнаружил в некоторых местах остатки налета.
Под подбородком, там, где начинается шея, виднелась не выбритая до конца щетина. Поднес
бритву к горлу и осторожно сбрил оставшуюся щетину, после чего уставился в зеркало на свое
отражение. Задрал подбородок и устремил взгляд на вытянутую бледную шею. Повернув
бритву в руке, приставил ее к горлу обратной стороной и медленно провел вниз от шеи через
грудь к животу, остановив руку на уровне пупка. Между двумя его сосками вниз до самого
живота протянулась тонкая белая линия. Я представил, что бритва – это на самом деле скаль-
пель и что я препарирую самого себя.

Началось, наконец-то. Мне необходима каждая моя странность. Только Христос может
быть моим соперником в достижении пределов отчаяния человека.

Мне необходимо жить только по своим законам. Мне нравится говорить себе: «Попробуй.
Хотя бы попытайся».

Не знаю, что может быть для человека важнее его свободы. Я боюсь променять свою
свободу на кормушку для сытой еды.

Бог – сука. Он следит за каждым. Ни на минуту не смыкая глаз. Не получится ускольз-
нуть. Ошибиться может кто-то другой. Не жди от него благодарности. Не позволяй себе обма-
нываться.

Свобода – это не подарок. Свобода – это трофей. Не успеешь моргнуть глазом, как про-
живешь жизнь раба.

Для того, чтобы сделать первый шаг, иногда достаточно только подняться с колен. Иногда
простое только притворяется сложным.

Может быть, для тебя удобнее не замечать решеток клетки, чем пытаться из нее
выбраться.

Мое особое предназначение стало сбываться. Я знаю, что такое опасность. Я тоже часть
опасности.

Я был слишком закупорен внутри самого себя. Так крепко держался за свое я, что терял
все остальное. Вряд ли возможен человек, которому захочется приблизиться ко мне.

У меня не возникает желания искать оправдания для всех своих поступков. Я не смогу
измениться.

Проснувшись, я был удивлен тем, что на улице еще темно. Спал меньше двух часов.

Я боюсь своего воображения. Мне необходимо путешествие на край своего сознания.
В моей жизни нет другого маршрута.

Тороплюсь прожить ненормальную жизнь. Стараюсь разрушить свою реальность. Я нико-
гда не был только нормален. Мое ощущение своей нормальности – одна из моих иллюзий.

Тороплюсь оказаться вне контроля. Никогда не захочу подчиниться смыслу.

Если хочешь, чтобы дело было выполнено хорошо, делай его сам. У меня нет плана действий. План мне не нужен.

Мне не нравится ограничивать себя. Так и должно быть. Ведь в конце концов человеку ничего не остается – только справляться с жизнью в одиночку.

Потому-то, наверное, я все это и пишу.

Принеси смерти жертву. Это проще, чем ты думаешь. Факт пришлось признать. Сколько не обманывай, все равно никуда не денешься.

У меня нет причин сомневаться. Думая об этом, я почему-то стыжусь своего счастья. Смерть – это всегда соблазн. К жизни не сложно относиться, как к ошибке смерти.

Мысли человека о смерти – самые важные из всех его мыслей. Мне нравится знать, что я нарушаю все правила жизни.

У моей жизни может быть только одна награда – смерть. Я выстраиваю свою жизнь не для того, чтобы жить. Наверное, из моих слов кажется, что это трудно. Но когда разберешься – ничего сложного.

Я должен принести смерти жертву. Мне никуда не деться от всего этого. И убегать я никуда не должен.

Мне нельзя распускаться, нельзя отдыхать. Мне надо следить за тем, чтобы мысли, которые рождаются в голове, я додумывал до конца. Даже если они меня пугают.

Уже не могу не замечать ритуального смысла своих действий. Не соглашусь стать нормальным. Меня не уговорить. Мою шизоидность питают мои неудачи.

Иногда возникало ощущение небытия и к нему хотелось привыкнуть. Хотелось остаться в нем. Никакое другое решение не могло быть более правильным.

Я вынужден постоянно контролировать себя.

Мне недостаточно прежних признаний. Не хочу упустить самое важное в себе. Смерть подтвердит все мои слова. Человек способен только ненавидеть и бояться. Я неудобен для самооправданий. Моя покорность может быть только неловкой. Каждый человек кажется себе значительнее, чем есть в действительности.

Я вынужден сам защищать себя. Спрашиваю себя, есть ли на земле кто-нибудь способный мне помочь. Мне и самому иногда это трудно.

Тороплюсь изменить свое сознание. Опасное не проходит мимо меня.

Невозможно не ощущать расстояние отделяющее меня от реальности. Я опять увлечен сопротивлением реальности. Мне не интересна предсказуемость.

Проникая в неизвестные области своей внутренней жизни, я испытываю такие чувства, которые никогда ранее не испытывал. Хотя мне кажется, что они всегда были во мне, но казались такими пугающими, что я никогда не осмеливался выпускать их на свободу. И сейчас чувствую себя ужасно неуверенно, как будто мой мир раскалывается на части. Раньше он был прочный и безопасный. А сейчас он шатающийся, проницаемый и уязвимый. Вы можете увидеть во мне то, о чем я и сам не знаю.

Рассказываю о страдании и надежде. Не хочу, чтобы меня поняли неправильно. Я уже готов разбить себя о реальность. Мне нравится обходить запреты сознания.

Трудно поверить, что человек говорит вам правду, когда вы знаете, что на его месте вы бы соврали. Каждый человек должен обладать мужеством отстаивать свои убеждения. В этом мире есть то, что многие стараются не замечать.

Кто боится нападков на свои убеждения, тот сам сомневается в них. Люди, которые понимают лишь то, что можно объяснить, понимают очень мало. Когда сомневаешься, следует говорить правду.

Я боюсь ощущать себя свободным. Продолжаю думать об этом и ночью. Вместо того, чтобы спать.

Так ли это важно?

Не нужно делать из отношений со смертью что-то пугающее или таинственное. Несмотря на то, что человек обладает этим желанием, большинство не позволяет себе развивать эти отношения потому, что боятся их. Но не все стараются подавить в себе это переживание. Не надо отгораживаться от смерти, а надо принимать ее такой, какая она есть.

Боится презрения лишь тот, кто его заслуживает. У многих людей убеждения не более, чем привычка. Чувствующий не способен думать. Я выиграл бы в глазах людей, если бы явился им не таким, какой я всегда был и есть. А не притворился тем, кем никогда не был и не буду.

Мне нравится моя способность пренебрегать реальностью. Я вынужден проживать странную жизнь. Не могу привыкнуть к своей странности. Я отделен от жизни своей судьбой. Не позволю смыслу ограничивать мой мир.

Но теперь мне все равно. Теперь я спокоен. После того, что произошло со мной, когда я начал восхождение к вершине.

Я не чувствовал жалости. Мне жалость так же не нужна, как и смерти.

Теперь мне уже не досаждают мысли, которые прятались где-то в глубине сознания.

Моя религия – смерть. Никому не говорил этого.

Я радовался этому. С детства обожаю всякие неожиданности. Неужели все так просто? Разве этого мало? Этого достаточно, и я счастлив. Счастлив. Да. Счастлив.

4

Шел дождь, что было довольно странно для конца июня.

«Хватит! Не думай об этом!» – мысленно прикрикнул я на себя.

Не мог избавиться от навязчивых ассоциаций. Закрыв глаза и попытался думать о чем-нибудь другом.

Сухость во рту начинает меня раздражать. Чертова боль скапливается где-то у горла. Впивается в связки.

В голове – слишком много помех.

Боль. Такую боль нельзя описать словами – она раздувается в голове, словно воздушный шарик, отгораживая человека от мира, а потом лопается, окатывает холодным ужасом и неверием – в случившееся. И прорывается наружу, во внешний мир. Оседают на дне души.

За эти три месяца я стал очень жестоким человеком. Когда пренебрегаешь своей жизнью, жизнь другого человека вообще девальвируется. Ценность падает до нуля.

Прошло три недели с тех пор, как это случилось; три недели – долгое время. Можно считать, что теперь я воспринимаю случившееся как должное.

Но я должен думать об этом, разве не так? Хочу сказать, если и есть какой-то конец воспоминаниям, если я когда-либо приму случившееся, я должен пропускать его через себя снова и снова, пока оно не лишится всех своих красок.

Нет ничего унижительнее для человека, чем превосходство другого человека. Так было раньше, но не теперь, теперь – нет. Времена меняются, а вместе с ними и люди.

Я прихожу в себя. Мгновенно.
Это целая программа. Заданный маршрут.
Шестая зона по проездному билету.
Я очень редко трачу время на себя самого.
Но большой вопрос: как устоять перед искушением?
Как вы понимаете, отказаться было невозможно.

Я долго шел за мужчиной в розовых кроссовках. Что еще мне оставалось делать? Я почувствовал, как в затылке у меня закололо. Ощущение, будто собственный мозг проваливается куда-то.

Я знал, что испуган. Но это знание было едва ли важным в сравнении с чувством освобождения. Доведи это до конца.

Никогда прежде не ощущал я так явственно, с такой силой присутствие другого человека. Он знал, что я убью его раньше, чем я сам подумал об этом. Я должен позволить всему идти своим чередом. Просто должен стать в стороне и не вмешиваться, пусть все идет своим путем.

Но это не все. Что-то еще.

Если мне за рулем машины придется выбирать, кого задавить – собаку или человека, я в любом случае выберу человека.

Я шел за ним, словно выполнял самую святую из моих обязанностей. Я не всегда хотел быть осторожен.

В том, что человек умирал у меня на глазах был тайный смысл. Не уверен, что мне удастся выразить его словами.

Он лежал на спине.

Я все еще пытался сделать что-нибудь неожиданное для себя. Мне не нравилось быть осторожным. Мой страх исчез.

Почему я должен перестать убивать? Ничего не останавливает меня, подумал я.

Убивал его очень медленно. Необходимо сначала полностью сломить человека, а потом убить. Иногда мне казалось, что я придаю своим действиям не тот смысл, который в них содержится. Мне тоже хотелось власти. Мне нравилось решать: кто будет жить, а кто – нет. Люблю ощущение власти.

Я уже не удивлялся тому, что видел перед собой. Меня увлекали мучения жертвы. Каждая жертва воображает себя неуязвимой. Мне почему-то стало приятно. Мне легко угодить.

Я не испытывал к своим жертвам ненависти – я просто развлекался. Я много чего увидел. И я в это время думал, как бы не думая. Решение оказывается простым, когда оно единственное.

Почти полная тишина.

Я приставил ему к шее штырь и надавил на него основанием обеих ладоней. Он издал только один булькающий звук, как будто полоскал горло. До сих пор слышу эти звуки. Иногда во сне.

Очень важно суметь научиться добивать одним ударом.

Иногда я держу жизнь на кончиках своих пальцев. Чем дольше умираешь, тем меньше тебе везет. Очень важно суметь сделать смерть оригинальной.

Широко открыв рот, я накрыл им рану. Стал работать языком. Это было больно. Мягкий язык человека не приспособлен для этого. Но я почувствовал себя увереннее.

Наслаждайся, подумал я.

Очень важно получить от жертвы все, что ожидаешь. Сила основана на том, каким именно знанием обладает человек.

И тогда, остановившись, чтобы получше насладиться, я глубоко вздохнул. Как будто мое тело уже не принадлежало мне. Пока я был счастлив. Почти.

Будьте же понятливы: мой голод не утолить набив желудок.

Это не так ужасно, как ты думаешь. Быстро и почти совсем не больно.

Во мне зажигалось что-то такое, что никогда не горело раньше. Не в мозгу – во всем теле. Ничего не смог с этим поделать. Пытался загнать обратно, но было уже слишком поздно.

Я оглянулся. Вокруг никого. Сейчас полечу, сказал я себе. И верил, что смогу полететь: воздух был мягким, а сам я стал невесомым.

Уже совсем другое самочувствие. Вопрос силы воли.

Но вдруг словно что-то толкнуло меня.

Вспоминать все подробности очень сложно.

Я попытался закричать, позвать на помощь, сделать хоть что-нибудь, чтобы избавиться от охватившего меня ужаса. Я не был уверен, что он мертв и долго не отпускал его горло.

Прошло много времени. Я даже не знал, сколько именно. Ни одна смерть не казалась мне убедительной.

У лежащего передо мной человека была пробита голова, перерезано горло. Глядя на труп, я ощутил желанное спокойствие. Этому человеку не удалось убить меня только потому, что я убил его первым.

Ну и что дальше?

Мне нравится знать, как вскрываются вены. Мне нравится жить в ощущении, в котором вскрываются вены. Ненавижу надежду. Надежда всегда ложь.

Я вынужден жить в плену у своих заблуждений. Заглядываю в себя, как в пропасть. Я знаю о странности своего отношения к жизни. Вынужден страдать из-за себя.

Реальное – лишь часть этого мира. Очень опасно стараться додумать каждую свою мысль до конца.

Разумность – лишь часть моей жизни. Мой мир нарисован красками безумия.

Много вроде бы не имеет особого значения, но человек тем не менее часто задумывается о мелочах.

5

Я разделся, принял душ, как следует вымыл шампунем голову, почистил зубы, протер лицо лосьоном. Вроде стало легче.

Я неохотно поднял голову и взглянул на себя в зеркало. Иногда я боюсь смотреть на отражение своих собственных странных глаз – я боюсь, что увижу в них безумие. Так было и на этот раз.

Нельзя мне останавливаться. Без этого не справлюсь с жизнью. Такие вещи сразу трудно понять или объяснить. Не захочу удерживать себя в пределах смысла. Никогда не умел контролировать себя. Я устал быть препятствием для себя.

Могу создать лишь мир своего безумия. Хочу избавить себя от самоконтроля.

Я распят на кресте смысла.

Мои бесы просятся наружу. Когда они пробьют череп, я не смогу их удержать.

Весь мир просыпается, подумал я. Не только я. Ты тоже чувствуешь что-то подобное?

Иногда каждому человеку хочется принести смерти жертву. Мысль, конечно, нелепая, но я не могу от нее отказаться. Люди умеют скрывать правду о себе друг от друга.

Знаете, думаю, что я прав. Не верю в серьезность этой смешной жизни. Что в себе стараются контролировать другие люди? Я все еще ищу смысл своих действий. Не уверен, что хочу найти. Боюсь подменить жизнь имитацией. Я себя ни от чего не удерживаю. Я – это поле битвы.

У каждого человека свой способ мести жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.